

Д. И. Победаш

ПРОФЕССУРА ПРАВИТ МИРОМ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА США

Представители научного сообщества в США отнюдь не чужаются сотрудничества с правительственными структурами, более того, профессор университета вполне может стать советником по национальной безопасности, министром, государственным секретарем, даже президентом¹. Среди работающих в американских правительственных структурах ученых-международников подавляющее большинство — последователи так называемого политического реализма. Чем объясняется подобное засилье одного теоретического подхода в стране, привычно декларирующей плюрализм и терпимость к разнообразию? Не стала ли эта парадигма, получившая наибольшее распространение и развитие в годы «холодной войны», фактически господствующей идеологией американской политической элиты?

Начиная с президентского правления Франклина Рузвельта, ученые, как индивидуально, так и в составе исследовательских групп, активно привлекаются руководством США для выработки рекомендаций по насущным проблемам. Вес ученых при принятии стратегических решений неуклонно возрастает. На завершающем этапе Второй мировой войны, когда на передний план вышли вопросы построения послевоенного миропорядка, именно план ученого-экономиста Гарри Декстера Уайта по послевоенному валютно-финансовому регулированию был принят на Бреттон-Вудской конференции. Данный план Уайта предусматривал построение тех институтов, которые, по мнению А. С. Панарина, помогли США стать центром мира². До прихода в Казначейство США в 1934 году, где он впоследствии стал заместителем главы данного ведомства — секретаря Казначейства³, а также главным архитектором Международного валютного фонда, Уайт преподавал в Лоренс-Колледж (Эплтон, штат Висконсин). На работу в Казначейство его пригласил еще один ученый-экономист — профессор Чикагского университета Джейкоб Винер. Примечательно, что по экономическим вопросам послевоенного мироустройства президент Ф. Рузвельт принял сторону ученых-экспертов Казначейства в их противостоянии с профессиональными бюрократами Госдепартамента. Взаимосвязь и взаимопроникновение академической и правящей элит продолжают укрепляться и в дальнейшем. Известно, что один из наиболее известных американских теоретиков международных отношений профессор Чикагского университета Ганс Моргентау говорил о том, что взаимодействие и взаимопроникновение академической и политической элит привело к возникновению «академическо-политического комплекса», в котором университеты стали гигантскими станция-

ПОБЕДАШ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ — директор Центра американских исследований, факультет международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

ми обслуживания запросов правящих кругов, причем в этой функции превратились в неотъемлемую и незаменимую часть системы⁴. Профессор Колумбийского университета Уильям Фокс, говоря в 1975 году об этой связи, отмечал, что даже в «анти-интеллектуальную эпоху Никсона» обладателями ученой степени Гарвардского университета были госсекретарь, министр обороны, заместитель госсекретаря, посол в Индии, главком союзных сил в Европе, помощник президента по военным вопросам⁵.

Итальянский политолог, заведующий кафедрой международных отношений и директор Центра европейских исследований Университета Катании Фульвио Аттина также отмечает феномен «...исконно американского подхода, состоявшего в подчинении научных исследований конкретным политическим проектам, <...> симбиоз академического мира и мира политики и экономики, нацеленных на поддержание отношений между собственной страной и остальным миром»⁶.

Исследования международных отношений востребованы управленческой элитой, причем представляется вполне естественным, что представителями государства будут более востребованы интерпретации, принимающие в качестве главного актора международных отношений именно государство. Исследователи в свою очередь склонны обращаться к тем вопросам и темам, которые интересуют правящую элиту. Так, профессор факультета международных отношений Лондонской школы экономики и политических исследований Кристофер Хилл, говоря о трудности определения места исследований международных отношений, отмечает, что они колеблются между изучением истории и прикладным анализом текущих политических событий. По его мнению, это особенно характерно для американских исследователей, получающих гранты от различных фондов. Американские исследования международных отношений следуют за интеллектуальной модой, которая изменяется в связи с текущими наиболее значимыми изменениями в мировой политике (т. е. в основном в связи с действиями правительства США). Кроме того, Конгресс США открыто финансирует различные академические центры и институты, оказывая значительное влияние на дискуссии по международным отношениям. В результате, подытоживает Хилл, исследователи международных отношений в США всегда были склонны следовать за политическим руководством страны, вместо того чтобы определять или предвосхищать его действия⁷.

Американские исследователи международных отношений являются не просто кабинетными теоретиками, но напрямую (занимая ответственные государственные посты) или косвенно (участвуя в работе мыслительных центров, групп интересов, образовательных учреждений) оказывают непосредственное влияние на выработку и претворение в жизнь внешней политики Соединенных Штатов. Показателен перечень лиц, которым, например, президент Дуайт Эйзенхауэр поручил выработать практически применимую теорию внешней политики⁸. Это исследователи международных отношений, заложившие основы школы политического реализма: профессор Чикагского университета Ганс Моргентау, профессор Йельского университета Арнольд Уолферс, профессор Колумбийского университета Уильям Фокс (бывший также одним из учителей ставшего позднее основате-

лем структурного реализма Кеннета Уолца), теолог и публицист Рейнхольд Нибур, дипломаты Пол Нитце и Джордж Кеннан, публицист Уолтер Липпман⁹. Кроме упомянутых основателей политического реализма, в данной работе принимал участие Дин Раек, работавший во всех администрациях — от Трумэна до Джонсона — и прошедший путь от помощника министра обороны до госсекретаря. Примечательно, что Д. Раек в 1934–1940 годах преподавал в Миллз-Колледж (Окленд, Калифорния), а по завершении дипломатической карьеры вновь вернулся к преподаванию и стал в 1970 году профессором Университета Джорджии.

Само по себе привлечение ученых к управлению государством вполне объяснимо. Еще Платон считал, что политическая власть в идеальном государстве должна принадлежать философам, а «отцы-основатели» США скрупулезно изучали афинскую демократию и римский республиканизм в поисках рецептов построения своего нового государства, свободного от пороков старой Европы. Подобное обращение к истокам было характерно не только для периода становления государственности в США. Н. Н. Яковлев отмечает, что и в XX веке американские ученые активно обращались к вопросу имитации опыта античных демократий¹⁰. Рациональный позитивизм политиков говорит им, что для решения проблемы в какой-либо области нужен ученый-профессионал именно в этой области, а прагматизм подсказывает ученым изучать то, что может и должно пригодиться на практике.

Если активное привлечение ученых во власть само по себе понятно, то не совсем ясно, почему во второй половине XX века среди американских «ученых во власти» безоговорочно доминируют теории, разрабатываемые в рамках парадигмы политического реализма.

Простой перечень последователей политического реализма, являющихся наиболее видными фигурами в становлении и развитии этой парадигмы, говорит сам за себя. Так, выпускник, а впоследствии профессор Принстонского университета Джордж Кеннан занимал ответственные посты в Госдепартаменте США. Профессор Чикагского университета Ганс Моргентау готовил по поручению Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди, Л. Джонсона аналитические доклады. Генри Киссинджер с 1954 года преподавал в Гарварде, периодически к его советам в области внешней политики прибегали президенты Д. Эйзенхауэр, Дж. Кеннеди, Л. Джонсон. В 1969 году он стал помощником президента Р. Никсона по вопросам национальной безопасности, в 1973–1977 годах был госсекретарем США в администрациях Р. Никсона и Дж. Форда, в 1977 году вернулся к преподавательской деятельности, став профессором Джорджтаунского университета в Вашингтоне. Профессор Чикагского университета Джон Миршеймер и профессор Принстонского университета Роберт Гилпин занимали командные должности в ВВС и во флоте соответственно, профессор Чикагского университета Чарльз Глэзер служил аналитиком в Управлении стратегического планирования, в Комитете начальников штабов, профессор Дартмутского колледжа Майкл Мастандуно занимал высокий пост в Министерстве торговли. Профессор Пенсильванского университета Роберт Штраусс-Хюпе был послом США при Р. Никсоне, Дж. Форде, Р. Рейгане. Центр междуна-

родных исследований Массачусетского технологического института был основан на средства ЦРУ под руководством профессора Уолта Уитмена Росту, бывшего сотрудника Управления стратегических служб, в периоды президентского правления Дж. Кеннеди и Л. Джонсона — директора отдела политического планирования Госдепартамента, советника по национальной безопасности, писал речи для Эйзенхауэра и Джонсона. Профессор Питтсбургского университета Дэвис Боброу в 1968–1979 годах работал в Управлении оборонных исследований. Профессор Гарвардского университета Стивен М. Уолт работал также в качестве консультанта-аналитика Института оборонного анализа, Центра военно-морского анализа и Национального университета обороны. Профессор Калифорнийского университета в Беркли Кристофер Лэйн преподавал в Высшей военно-морской школе, был аналитиком НАТО по вопросам внешней политики. Профессор Дартмутского колледжа (Ганновер, Нью-Гемпшир) Стивен Брукс являлся аналитиком по вопросам национальной безопасности в Высшей военно-морской школе, защитил диссертацию в Гарварде. Профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке Роберт Джервис в 1970-е годы консультировал ЦРУ, к нему также обращались за советами его бывшие студенты, работающие в Пентагоне. Его коллега Гидеон Роуз, по совместительству редактор журнала «Форин Аффферз», ранее отвечал в Совете национальной безопасности за Ближний Восток и Южную Азию. Профессор Университета Дьюка (Дарэм, Северная Каролина) Джозеф М. Грико работал в ЦРУ, Госдепартаменте, Международном валютном фонде. Вместе с Кондолизой Райс в Стэнфордском университете преподавал назначенный ею 4 февраля 2005 года на пост директора Управления политического планирования Госдепартамента США Стивен Краснер. Профессор Массачусетского технологического института Барри Р. Позен является и одним из руководителей «Семинара XXI» — образовательной программы по политике национальной безопасности для старшего офицерского состава, правительственных чиновников и крупных бизнесменов. Профессор Джорджтаунского университета Эрл Равеналь, наиболее последовательный среди сторонников политического реализма изоляционист, ранее работал в Министерстве обороны. Роберт Кейган — профессор Университета в Беркли, в 1985–1988 годах работал в бюро межамериканских дел Госдепартамента, в 1984–1985 годах был главным спичрайтером Джорджа Шульца, госсекретаря США при Р. Рейгане. Посол США в Ираке Залмай Халилзад в 1979–1989 годах преподавал в Колумбийском университете, где тесно сотрудничал со Збигневом Бжезинским. С 1984 года он работал в Госдепартаменте, а затем — в Министерстве обороны, был специальным помощником президентов Р. Рейгана и Дж. Буша по Южной Азии, Ближнему Востоку и Северной Африке.

Практически все перечисленные представители политического реализма обучались, защищали диссертации или преподавали в одном из вузов, входящих в Лигу плюща¹¹, тесно сотрудничали друг с другом, работая при этом в разных университетах. Большинство из них, кроме непосредственной работы в правительственных структурах, связаны с влиятельными неправительственными организациями, занимающимися исследованиями и политическим лоббированием в области меж-

дународных отношений (Совет по международным отношениям, корпорация РЭНД).

Почему именно последователей политического реализма много во власти? Кстати, в академическом сообществе США политический реализм если и не правит столь безраздельно, как в государственных структурах, то все же безоговорочно занимает доминирующие позиции. По свидетельству профессора Уэльского университета Стивена Смита, «почти 70 % работ, цитируемых в обзоре литературы главных департаментов международных отношений США, принадлежали школе реалистов или неореалистов»¹². Означает ли это, что человечество сумело наконец выработать единственно верное учение, адекватно отражающее реалии международной политики? Достаточно резко на этот счет высказался известный историк «холодной войны» профессор Йельского университета Джон Льюис Гэддис, по мнению которого политический реализм наряду с некоторыми другими теориями международных отношений оказался «... столь же “полезным” в предсказании основных событий мировой политики после окончания Второй мировой войны, как гадание по звездам, по внутренностям животных, и прочие подобные методы»¹³. Пол Шрёдер из Университета Иллинойса, тщательно проанализировав историю международных отношений за 1648–1945 годы, убедительно продемонстрировал несостоятельность структурного реализма в объяснении реальных событий международной политики Вестфальской эпохи¹⁴. Кроме того, единогласно утверждая, что коренное отличие политического реализма от иных теорий состоит в его «научности» и практической направленности, реалисты давали удивительно противоречивые советы относительно внешнеполитической стратегии США. Так, например, во время войны во Вьетнаме Г. Моргентау настаивал на скорейшем самоустранении США из Индокитая, а Г. Киссинджер выступал за наращивание американского присутствия. Уже после окончания «холодной войны» и распада СССР американские реалисты рекомендовали правительству США полностью выйти из НАТО и всячески дистанцироваться от Европы, остаться в НАТО номинально, наращивать свой вес и присутствие в НАТО и Европе. Практически по всем вопросам внешней политики реалисты давали широчайший диапазон рекомендаций, соответствующих любой теоретически возможной стратегии США — от полного изоляционизма до абсолютной, глобальной гегемонии, причем все эти рекомендации были тщательно обоснованы «научными» постулатами политического реализма¹⁵.

Несмотря на это, реализм в США продолжает оставаться доминирующим подходом в изучении международных отношений. Возможно, анализ самого политического реализма поможет понять причины его живучести. Истоки данной парадигмы ее сторонники находят в «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида, в работах Николо Макиавелли, Томаса Гоббса, Карла фон Клаузевица. Основателями современного американского политического реализма считаются бежавшие в США из нацистской Германии Ганс Моргентау, Джон Герц, Арнольд Уолферс, а также американцы — теолог Рейнхольд Нибур, геополитик Николас Спайкмен, дипломат Джордж Кеннан. Принято также считать, что в конце 1970-х годов появился

структурный реализм, или неореализм, основателем которого считается Кеннет Уолц. «Жесткое ядро» (следуя терминологии Имре Лакатоса) политического реализма как единой научно-исследовательской программы включает следующие постулаты:

- 1) международные отношения конфликтны и анархичны;
- 2) основным актором международных отношений является рационально действующее суверенное государство;
- 3) главной задачей государства, неизменной составляющей его национального интереса является выживание государства, трактуемое как сохранение его территориальной, политической и культурной целостности;
- 4) способность государства отстаивать свой национальный интерес в конечном итоге определяется его силовым потенциалом (как правило, военным и (или) экономическим, хотя Г. Моргентау в качестве факторов, определяющих могущество государства, перечислял также географическое положение, наличие ресурсов, национальный характер, дух народа);
- 5) традиционные нормы морали неприменимы в политике, политик может быть исключительно морален как индивид, но его ответственность за своих сограждан является первичной и оправдывает такие действия на международной арене, которые внутри страны были бы аморальны и неприемлемы.

Для всех последователей политического реализма характерны пессимизм, неверие в возможность социального прогресса. По их мнению, суть отношений между суверенными конфликтными группами — племенами, полисами, а на современном этапе — государствами — остается неизменной, идеи и выводы Фукидида о политике V века до н. э. реалисты считают абсолютно адекватными и применимыми для анализа политики современной¹⁶. Постулирование принципиальной неизменности сути международной политики, основанной на неизменности природы человека, не позволяет политическим реалистам анализировать накапливающиеся перемены, более того, главной практической целью реалистов является более или менее длительное избегание и предотвращение нежелательной для своего государства войны, а в ее отсутствии — реагирование на действия других государств или на воздействие системных факторов. Оценивая различные подходы в изучении международных отношений, профессор Уэльского университета Кен Бус приводит следующее сравнение: политический реализм, опираясь на исторический опыт, разрабатывает теории «как остаться на плаву», тогда как, например, политический идеализм с помощью ценностных суждений определяет «куда плыть»¹⁷. Реализм позволяет своим последователям отвлечься от таких «несущественных» внутривнутриполитических факторов, как государственный строй, форма правления, идеология, культура, поскольку государства рассматриваются как однородные неделимые единицы, по выражению Арнольда Уолферса — «бильярдные шары».

Роберт Л. Ротстейн из Университета Джона Гопкинса в Балтиморе, штат Мэриленд, еще осенью 1972 года писал, что реализм, доминировавший в изучении международных отношений в 1950-е годы, к 1970-м годам давно вышел из моды в академических кругах. Ученые его просто игнорировали как пережиток периода

становления дисциплины. Тем не менее реализм по-прежнему оставался популярен среди практиков, которые считали его «естественным» и «правильным», переводит на теоретический уровень то, что они сами всегда делали, не осознавая, что используют именно эту теорию (подобно мольеровскому персонажу, восхищенному тем, что он, оказывается, говорит прозой, практики обнаружили, что они всегда придерживались определенной теории)¹⁸. Профессор Ротстейн рано списал реализм как пережиток. Американский политический реализм с того времени возродился в облике еще более «научного» неореализма и обрел небывалую популярность. Несмотря на, казалось бы, уничтожившую реализм вообще критику, появляются и развиваются все новые его разновидности: структурный, посткласический, неотрадиционный, оборонительный, наступательный, периферийный, меркантилистский, «младший» (*subaltern*), демократический и т. д. Реализм был и остается близок практикам, поскольку в рамках данной парадигмы особую значимость приобретает фигура государственного деятеля, мудрого чиновника и тонкого дипломата, искусно маневрирующего на весьма ограниченном поле силовой борьбы. Особенно привлекательно то, что для последователей реализма сам этот «оператор» остается моральным и праведным человеком, тогда как использование любых аморальных средств отстаивания национальных интересов является абсолютно оправданным. Более того, понятие национального интереса остается настолько расплывчатым и субъективным, что под его защитой можно понимать совершенно противоположные действия. Фактически, политический реализм делает государственного чиновника ключевой фигурой международных отношений, помогает оправдать самые разные его действия и снимает с него какую-либо моральную ответственность за них.

Поэтому при всей узости и ограниченной применимости реализма, игнорирующего многие факторы мировой политики, вряд ли стоит удивляться его распространности во властных структурах США. Представляется также весьма вероятным, что американские политики в большинстве своем не только основывают свои действия на постулатах политического реализма, но и воспринимают действия других стран именно через призму этой парадигмы. Односторонние уступки в духе «нового мышления» М. С. Горбачева вряд ли воспринимаются политическими реалистами как проявление доброй воли или стремление к построению доверительных отношений. Американские политические реалисты, склонные рассматривать мир как «игру с нулевой суммой», подобные действия, скорее всего, воспримут как сдачу слабого государства на милость победителя.

¹ Советниками по национальной безопасности были, например, профессор Гарварда Макджордж Банди, профессор Колумбийского университета Збигнев Бжезинский, известный историк и экономист Уолт Уитмен Ростоу. Гарвардский профессор Генри Киссинджер и профессор Стэнфордского университета Кондолиза Райс занимали и должность советника по национальной безопасности, и госсекретаря США. Профессор-физик Гарольд Браун, занимавшийся изучением радиации, считается первым ученым, занявшим пост министра обороны (1977–1981 гг., администрация Дж. Картера). Менее известно, что Роберт Стрэндж Макнамара, министр обороны при

Дж. Кеннеди и Л. Джонсоне (1961–1968), в 1940–1943 годах преподавал в Гарварде. Джордж Прэтт Шульц, госсекретарь США в 1982–1989 годах, в 1962–1968 годах преподавал в Чикагском университете. Профессор политэкономии в Гарварде Роберт Рейх был министром труда в администрации У. Клинтона. Сам Клинтон в 1973–1976 годах преподавал юриспруденцию в Университете Арканзаса. Необходимо отметить, что данный список ни в коем случае не является исчерпывающим.

² См.: Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2000. С. 126.

³ Пост секретаря Казначейства США в более привычной для нас терминологии соответствует посту министра финансов

⁴ См.: Campbell D. International Engagements: The Politics of North American International Relations Theory // Political Theory. 2001. Vol. 29. Nr 3. P. 432–448 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://links.jstor.org/sici?sici=0090-5917%28200106%2929%3A3%3C432%3A1E7PON%3E2.0.CO%3B2-6>

⁵ Fox W. T. R. Pluralism, the Science of Politics, and the World System // World Politics. 1975. Vol. 27. Nr 4. P. 603 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://links.jstor.org/sici?sici=0043-8871%28197507%2927%3A4%3C597%3APTSOPA%3E2.0.CO%3B2-C>

⁶ Аттина Ф. Глобальная политическая система. Введение в международные отношения: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2002. С. 20.

⁷ Two Worlds of International Relations: Academics, Practitioners and the Trade in Ideas / Ed. by Ch. Hill, P. Beshoff. L.; N. Y., 1994. P. 7–17.

⁸ Thompson K. W. Toward a Theory of International Politics // The American Political Science Review. 1955. Vol. 49. Nr 3. P. 733–746 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://links.jstor.org/sici?sici=0003-0554%28195509%2949%3A3%3C733%3ATATOIP%3E2.0.CO%3B2-W>

⁹ Выпускник Гарварда Уолтер Липпман, один из виднейших американских политических журналистов, был одним из советников В. Вильсона, неофициальным внешнеполитическим советником Дж. Кеннеди и Л. Джонсона.

¹⁰ См.: Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: Пер. с англ. / Под общ. ред., с предисл. Н. Н. Яковлева, коммент. О. Л. Степановой. М., 1994. С. 12.

¹¹ Лига плюща (*Ivy League*) — восемь старейших и наиболее престижных университетов США. В Лигу плюща входят Дартмутский колледж (Ганновер, Нью-Гемпшир), Корнельский университет (Итака, Нью-Йорк), Колумбийский университет (Нью-Йорк), Гарвардский университет (Кембридж, Массачусетс), Принстонский университет (Принстон, Нью-Джерси), Йельский университет (Нью-Хейвен, Коннектикут), Пенсильванский университет (Филадельфия), Университет Брауна (Провиденс, Род-Айленд).

¹² См.: Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. П. А. Цыганкова. М., 2002. С. 33.

¹³ Gaddis J. L. International Relations Theory and the End of the Cold War // International Security. 1992–1993. Vol. 17. Nr 3. P. 18.

¹⁴ 24 октября 1648 г. в городах Мюнстер и Оснабрюк в Вестфалии были подписаны мирные соглашения, завершившие Тридцатилетнюю войну. Именно Вестфальский мир признал принцип государственного суверенитета и заложил основы государственно-центристской (Вестфальской) системы международных отношений. Большинство исследователей традиционно полагают, что реализм, опирающийся в своем анализе именно на государство, точно описывает международные отношения в Вестфальской системе.

¹⁵ См., напр.: Posen B. R., Ross A. L. Competing Visions for U.S. Grand Strategy // International Security. 1996–1997. Vol. 21. Nr 3. P. 5–53 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://links.jstor.org/sici?sici=0162-2889%28199624%2F199724%2921%3A3%3C5%3ACVFUGS%3E2.0.CO%3B2-G>

¹⁶ См., напр.: Gilpin R. G. The Theory of Hegemonic War // J. of Interdisciplinary History. 1988. Vol. 18. Nr 4. P. 591–613 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://links.jstor.org/sici?sici=0022-1953%28198821%2918%3A4%3C591%3ATTONW%3E2.0.CO%3B2-3>

¹⁷ См.: Booth K. Security in Anarchy: Utopian Realism in Theory and Practice // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944). 1991. Vol. 67. Nr 3. P. 534.

¹⁸ См.: *Rothstein R. L. On the Costs of Realism // Political Science Quarterly. 1972. Vol. 87. Nr 3. P. 347–362 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://links.jstor.org/sici?sici=0032-3195%28197209%2987%3A3%3C347%3AOTCOR%3E2.0.CO%3B2-X>*

М. М. Шарафулин

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ПРИЧИНЫ, ТИПОЛОГИЯ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

Исторический опыт показывает, что отношения между народами и нациями нередко были напряженными и трагическими. Так, русские земли испытывали на себе удары монгольских кочевников, немецких рыцарей, польских захватчиков. По Средней Азии и Закавказью огненным валом прокатились войска Тамерлана. Открытие Колумбом Америки сопровождалось ограблением и уничтожением индейцев. Племена и народы Африки захватывались колонизаторами. В ходе мировых войн XX века беспощадно уничтожались или подвергались жесточайшему угнетению те или иные нации, народности. Историческая вражда не могла не сказаться на национальном сознании. В нем до сих пор бытуют национальные предубеждения, неприязнь, корни которых уходят в далекое и не очень далекое прошлое.

Сегодня стало очевидным, что прежние варианты решения национальных проблем себя исчерпали, что национальная рознь, национальная вражда, национальное недоверие, как правило, — следствие накапливавшихся годами ошибок и промахов в национальной политике.

Обостренное национальное самосознание, нетерпимость к малейшим нарушениям национального равноправия пронизывают духовную атмосферу нашего времени. Не случайно именно со второй половины XX века национальный вопрос обозначился там, где он, казалось бы, уже решен (Квебек в Канаде, Шотландия и Уэльс в Великобритании, Корсика во Франции и т. д.).

Бурный рост потенциала международной конфликтности в начале 90-х годов застал мир врасплох. Сообщество наций, 45 лет ориентировавшееся на сдерживание ядерных вызовов и достигшее в этом неоспоримых результатов, оказалось плохо подготовленным к адекватному ответу на новую глобальную угрозу.

Забота о национальной безопасности является одной из главных целей деятельности людей, народов, государств. Однако до последнего времени безопасность определяется как «отсутствие опасности, сохранность, надежность»¹. В Большой советской энциклопедии национальная безопасность рассматривалась как международная безопасность, защита от внешних врагов.

ШАРАФУЛИН МАРС МАНСУРОВИЧ — председатель Национально-культурной автономии татар Свердловской области.

© Шарафулин М. М., 2006